

ДРУГ, УЧИТЕЛЬ...

К 100-летию со дня рождения Р. М. ГЛИЭРА

НАРОДНЫЙ артист СССР Рейнгольд Морицевич Глиэр занимает почетное место в ряду выдающихся творцов музыки, его произведения входят в золотой фонд советской музыкальной культуры. Один только перечень созданных им крупных сочинений — пять опер, семь балетов, три симфонии, две поэмы, четыре концерта с оркестром, симфония-фантазия, три струнных секстета, четыре струнных квартета — может дать яркое представление о деятельности замечательного художника.

Воспитанник Ипполитова-Иванова, Танеева, Аренского, бережно развивавший в своем творчестве традиции русской реалистической музыки, Глиэр обогатил советское искусство новыми темами, новыми художественными образами. «Советский композитор, — говорил Р. М. Глиэр, — не имеет права забывать о высоких воспитательных целях искусства, служащего великому делу строительства коммунизма». И его творчество служило наглядной иллюстрацией этих слов.

Композитор был нередко первооткрывателем в советской музыке. Именно ему обязан балетный театр первым появлением на сцене современников, советских людей, героев «Красного мака» (1927 г.) Его Концерт для голоса с оркестром — возвышенное, одухотворенное творение — один из немногих образцов этого жанра в мировой музыке, один из первых в советском искусстве. Еще меньше концертов для арф — и здесь сказал свое слово композитор, отличный знавший природу этого инструмента, тонко использовавший его и в других оркестровых сочинениях.

Талантливый музыкант с радостью делился знаниями с молодежью, будучи профессором Киевской, затем Московской консерваторий. Его учениками были Н. Мясковский, С. Прокофьев, А. Хачатурян, Л. Ревуцкий, Б. Лятошинский и многие, многие другие. Об этом некто шутливо заметил Прокофьев: «Кого из композиторов ни спросишь, он оказывается учеником Глиэра — прямым или внучатым, т. е. учеником ученика»... Душевная щедрость Рейнгольда Морицевича была настолько велика, что он помогал каждому, кто к нему обращался. Да так чистосердечно, горячо, что искавший помощи справедливо причислял себя к его ученикам. А зачастую даже больше — к друзьям. Глиэр — тонкий, деликатный — располагал к дружбе, умел дружить.

Мне посчастливилось в течение 40 лет пользоваться добрым расположением этого человека. Наша первая встреча произошла в 1918 году в Киеве. Профессор Александра Шперлинг, в классе которой я занималась в консерватории, привела к нам домой Рейнгольда Морицевича, пообещав встречу с «необыкновенной, неведомой

ему музыкой». Я стала петь азербайджанские народные песни, иногда исполняла какой-то отрывок дважды, трижды по просьбе гостя, потому что он уже работал — записывал особенно понравившиеся ему мелодии. Наши встречи были частыми — скоро уже композитор великолепно играл на рояле импровизации на основе азербайджанских народных песен. И это было настолько творчески ярко, интересно, что у меня возникла мысль: «А что если Вам написать азербайджанскую оперу?» Через несколько лет, когда я после установления Советской власти вернулась на родину, мысль об опере не давала мне покоя. Говорила об этом в Наркомпросе, меня поддерживали. В Москву, где тогда работал Глиэр, было послано предложение о создании оперы. И вот Глиэр — в Баку: снова занимается со мной, подолгу вслушивается в звучание тара Курбана Примова, в голоса Джабоара Карвягды, Бюль-Бюля. Но этого ему мало — он ездит по республике, встречается с народными музыкантами в Шуше, Гяндже, заглядывает в дальние селения, посещает народные празднества. Слушает, размышляет, пишет — работает сутками.

Мы поражаемся его умению сочинять в любой обстановке. Рейнгольд Морицевич о чем-то разговаривает, что-то горячо доказывает своему собеседнику — вдруг его лицо меняется, он тянется к записной книжке, черкнет несколько нотных знаков — и снова, как ни в чем не бывало, продолжает разговор. Когда опера «Шах-Сэнэм» была закончена и началась репетиция в театре, Рейнгольд Морицевич, заметив небольшое напряжение в голосе артиста, готов был переделать отрывок, чтобы было удобнее петь. И делал это тут же, в зале, когда звучала музыка других сцен, удивляя своей способностью отключаться, создавать даже в невозможных условиях новые, просто изумительные страницы.

Опера «Шах-Сэнэм» имела большой успех у зрителей и в первом варианте (1927), и во втором, поставленном 7 лет спу-

стя. Тогда же, в 1934 году, вышло постановление АзЦИК и Совнаркома АССР, в котором опера «Шах-Сэнэм» признавалась «большим достижением музыкальной культуры Советского Азербайджана», а ее автор удостоивался звания народного артиста республики.

Азербайджан Глиэр любил особой любовью. Он высоко ценил «Основы азербайджанской народной музыки» Узеира Гаджибекова, постоянно обращался к этой книге. Ему Гаджибеков в процессе работы над оперой «Кероглу» проигрывал новые, только что сочиненные эпизоды и находил горячую поддержку и одобрение. Немало Глиэр сделал для Муслима Магомаева, активно популяризировал произведения талантливого азербайджанского музыканта и после его кончины.

Рейнгольд Морицевич приезжал в Баку очень часто — послушать любимое детище — «Шах-Сэнэм», показать друзьям новые сочинения, разделить с ними большую радость: Глиэру трижды присваивалось звание лауреата Государственной премии СССР. Отправляясь в очередную гастрольную поездку по стране (композитор много концертировал, выступал как дирижер), он находил возможность «заглянуть», как он говорил, в «дорогой сердцу город». В Азербайджанской же филармонии состоялся один из последних в его жизни концертов, который Глиэр, 80-летний тогда человек, провел с большим подъемом. Этот удивительный труженик работал до последней своей минуты, несмотря на запреты врачей, протесты родных. Он и умер за партитурой... И чем больше проходил времени, тем ярче высвечивается личность этого благородного, преданного искусству человека, значение его многогранного, яркого творчества.

Шевкет МАМЕДОВА, народная артистка РСФСР, профессор Азербайджанской государственной консерватории имени Узеира Гаджибекова.

На снимке: Р. ГЛИЭР с К. ПРИМОВЫМ и Ш. МАМЕДОВОЙ (50-е годы).